

ПАОЛА ВОЛКОВА

ЛЕКЦИИ
ПО ИСКУССТВУ

книга 3

Паола Волкова

Лекции по искусству. Книга 3

«Издательские решения»

Волкова П. Д.

Лекции по искусству. Книга 3 / П. Д. Волкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855836-8

Вы держите в руках третью книгу уникальных лекций профессора искусствоведения Волковой Паолы Дмитриевны, прочитанных в Сколково. Паола Дмитриевна — ученица великих людей, среди которых были Лев Гумилев и Мераб Мамардашвили. Она не только преподавала во ВГИКе и на Высших курсах режиссеров и сценаристов, но и писала статьи, книги, проводила выставки, вела телевизионные программы по искусству.

ISBN 978-5-44-855836-8

© Волкова П. Д.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Лекция №1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Лекции по искусству

Книга 3

Паола Дмитриевна Волкова

© Паола Дмитриевна Волкова, 2018

ISBN 978-5-4485-5836-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Вы держите в руках третью книгу, в которую вошли уникальные лекции профессора искусствоведения Волковой Паолы Дмитриевны, прочитанные ею в Сколково в 2012 году.

Те, кому посчастливилось побывать на лекциях этой удивительной женщины, не забудут их никогда.

Паола Дмитриевна – ученица великих людей, среди которых были Лев Гумилев и Мераб Мамардашвили. Она не только преподавала во ВГИКе и на Высших курсах режиссеров и сценаристов, но и являлась крупнейшим мировым специалистом по творчеству Тарковского. Паола Волкова не только читала лекции, но и писала сценарии, статьи, книги, проводила выставки, рецензировала, вела телевизионные программы по искусству.

Эта необыкновенная женщина была не просто блестящим педагогом, но и великолепным рассказчиком. Через свои книги, лекции, да и просто беседы, она прививала своим студентам и слушателям чувство красоты.

Паолу Дмитриевну сравнивали с Александрийской библиотекой, а ее лекции становились откровением не только для простых обывателей, но и для профессионалов.

В произведениях искусства она умела видеть то, что обычно скрыто от постороннего взгляда, знала тот самый тайный язык символов и могла самыми простыми словами объяснить, что в себе таит тот или иной шедевр. Она была сталкером, проводником-переводчиком между эпохами.

Профессор Волкова была не просто кладезем знаний, она была мистической женщиной – женщиной без возраста. Ее рассказы об античной Греции, культуре Крита, философии Китая, великих мастерах, их творениях и судьбах, были настолько реалистичны и наполнены мельчайшими подробностями и деталями, что невольно наталкивали на мысль, что она сама не просто жила в те времена, но и лично знала каждого, о ком вела повествование.

И сейчас, после ее ухода, у вас есть великая возможность окунуться в тот мир искусства, о котором, возможно, вы даже и не подозревали, и, подобно странствующему путнику, испытывающему жажду, испить из чистейшего колодца знаний.

Волкова Паола Дмитриевна

Лекция №1

Волкова: Давайте обсудим, что мы с вами можем сделать за эти 10 лекций. Читать я буду, включая сегодняшнее занятие, без перерыва. Перерывы я не делаю. Смешно, это же не школа. Длительность: полтора – два часа. Столько, сколько надо. С картинками. За исключением сегодняшнего дня. Вашей подготовки я не знаю, как и уровня ваших знаний. Что вас интересует? Я слушаю.

вопрос из зала: Я читал о том, что вы занимались творчеством Андрея Тарковского?

Волкова: Я занималась и занимаюсь. Но это не история искусства. У нас курс по истории искусства. Буквально, в течение недели, выйдет моя третья книжка и мы сделаем специальное занятие. Я с большим удовольствием презентую ее вам, потому что, действительно, могу считать себя специалистом по его творчеству. Кроме того, я не просто специалист по его творчеству, я была основателем и десять лет возглавляла фонд Андрея Тарковского. И мы очень немало сделали для всего этого. И, конечно, эта тема для меня не чужая. Не говоря уже о том, что я сделала четыре книги о Тонино Гуэрра, что не менее интересно, чем Андрей Тарковский. Но! У нас история искусства.

вопрос из зала: Я смотрела недавно телепередачу «Наблюдатель» с Вашим участием, и вы говорили, что цикл передач «Мост над бездной» сделан без периодизации, то есть просто показаны яркие моменты.

Волкова: Точечно. А теперь, вот, что я хочу вам сказать. У нас с вами будет несколько лекций и я предлагаю распорядиться со временем следующим образом. Сегодня, для нас всех есть одна, очень важная проблема: кто мы с точки зрения духовного истока. Это важно для меня, это важно для вас и это важно для многих.

Что такое наше художественное сознание, и что такое наш художественный выбор, наша ментальность? Откуда она? Вы подумайте, какая интересная вещь. На самом деле, до сих пор, мы с вами являемся наследниками Средиземноморской цивилизации. Средиземноморской! Те цивилизации, что были до неё – не наши. То есть, не европейские. Я имею в виду только европейскую, а не мировую. Вы меня хорошо поняли? Ведь речь идет о том, что мы с вами включены в европейскую культуру, потому что единственным предметом изображения является человек. Что в литературе, что в искусстве, а коль скоро так, то это значит, что мы включены в европейскую цивилизацию. Ведь только в европейской цивилизации человек является основным предметом изображения. Весь интерес только к человеку, который содержит в себе все: и микрокосмос, и макрокосмос. Все это и есть человек. Но это не восточная культура. Культура китайская, мусульманская – абсолютно другие, а это европейская. И этот самый европейский корень – в Средиземноморье. Это Египет другая цивилизация. Понимаете? Полностью другая. Мы просто знаем о ней, как о некоем предмете. Приблизительно. Меня очень смешат бесконечное количество лекций на тему «Кто построил пирамиды?». И вот их крутят и крутят. Бесконечно. Кто построил пирамиды? Кто построил пирамиды? Ответить ни на один вопрос никто не может. Однажды я была во Франции, в Гран Пале, на выставке «Египетское искусство». Она была совершенно необычной и меня потрясла абсолютно, потому что кроме пирамид, внутри них были еще и росписи. А сколько этих росписей? Погонные километры. И вот на этой выставке показывали фрагменты росписи. А французы, ну очень высокомерны, поскольку считают себя главными египтологами. А главные они из-за Шампольона, который пришел туда с Наполеоном. Он был абсолютный гений. Просто совершенный. И таких гениев мало. Поразительно, но, когда он родился, все решили, что родился древний египтянин, так как он был красного цвета. У него была красная кожа. И Египет краснокожий. Они не белокожие. Это цивилизация краснокожих людей. И то, что было ведомо египтянам, неведомо нам.

Разумеется, нам предстояло пробираться через незнание, потому что незнание – это то, что мы не можем увидеть. Так вот, об этой выставке. Привезли они кусок такой стены, который, кто-то, откуда-то, где-то выломал. Естественно, речь идет о французах – им тогда все можно было. Это сейчас нельзя. А тогда – будьте любезны, ломайте! Они, значит, выломали кусок и привезли. Причем, привезли не древнеегипетское искусство, а совсем древнеегипетское – шикарное, до невозможности. И что же я увидела? А увидела я то, чего никогда не читала, ни в одной книге, и никто мне никогда не рассказывал. Оказывается, что это вовсе не росписи – египтяне ничего не расписывали. Это совершенно другая техника изображения, которую они потом стали называть росписью. И мы тоже. Значит, что происходило. Вот идут они с ведром, с веревкой, и размечают стенку в клеточку, как тетрадку. Потом идет еще какая-то партия людей – бригада такая и делает трафарет. Трафарет для письменности. А вы знаете, что их письменность и изобразительную культуру мы можем назвать иероглифической? А почему? А потому, что они и изображение, и письменность наносили трафаретом. После того, как трафарет был нанесен, они начинали выскрабливать стену. Понимаете? Они не писали на загрунтованной стене, а выбивали ранее нанесенный трафарет. И благодаря трафарету, у них получались такие вдавленные изображения. Затем они делали специальные цветные пасты (из чего они их делали, мы не будем спрашивать друг друга) и начинали ими инкрустировать стену. Вы представляете, что это за техника? Они ее восковали. А мы говорим: «Какая роспись!» А потом смотришь и думаешь: этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Как же мы можем обсуждать эту цивилизацию? Что мы можем о ней сказать? Решительно ничего. Это величайшее, гениальное искусство консервной промышленности. Да, консервной. Они консервы делали. Мойва – это консервы. И пирамида – консервная банка. Они эту промышленность довели до такого уровня, что миллионы лет лежит и всё. Мы ничего не можем о них сказать. Мы можем только любоваться и констатировать.

Мы очень любим строить гипотезы. Практически на ровном месте. Гипотезы – замечательная вещь и носит фантазийный характер. Особенно я люблю, когда говорят про инопланетян. Всё списать на инопланетян. Замечательно! И, вообще, я согласна – пускай будут инопланетяне. Правда ведь? Что нам? Легче же от этого. Поэтому говорить о египтянах не стоит просто потому, что мы можем только их описывать. Мы можем описать. Мы даже не знаем сейчас их хронологию.

У меня всегда было очень сильное подозрение, что пирамиде Хеопса совсем не три с половиной тысячи лет до новой эры, а намного больше. Сейчас объявили, что там, чуть ли не все восемь. А потом скажут, что десять, а после, что шесть. Какой-то углеродный метод, не углеродный. Зачем этим заниматься? Мы вот путешествуем и описываем. Говорим: ах, ну, конечно, исследование идет. Это я так немножко иронично об этом говорю, потому что нам не надо этим заниматься. Это очень острые, совершенно неизученные и закрытые проблемы. Я, конечно, не могу заниматься с вами этим вопросом. Наш с вами корень – это Средиземноморье. Мы с вами родом оттуда. И по нему, конечно, надо сделать маленький обзор.

Когда я говорю про Средиземноморье, угадайте, что я имею в виду? Древнюю Грецию и Рим. Потому что Греция и Рим – это средиземноморская античность. Две руки. Одна рука, скажем, правополушарная. Другая – левополушарная. Это две, совершенно разные культуры. Абсолютно. Очень мало имеющие общего между собой. Это очень большое заблуждение считать, что они, как бы имеют общий корень и общую традицию. Это не так. Вот об этом я и хотела бы поговорить с вами, чтобы вы умели это различать и понимать.

Итак, Рим строил государство. Рим строил право. Рим строил гражданские сооружения, канализацию, дороги, водопроводы. Они строили государственную правовую систему. И они – те системы общественных отношений, как государство, до сих пор продолжают. То есть: Империя, тирания и демократия. Всё! Что же касается греков, то они были совершенно другими. И какими! Об этом мы с вами сегодня и начнем говорить. Мы до сих пор являемся их

наследниками. Куда ни чихни, а повсюду в театрах идет своя Антигона. А во всех ли театрах мира ставят Антигону? Нет, не ставят.

А что вы скажете по поводу эдипова комплекса? Из всяких других тонкостей и их завиральных идей. Как замечательно сказал один из самых великих философов нашего времени Мераб Константинович Мамардашвили: «Вся история европейской философии есть лишь комментарий к Платону». И он сказал правильно. Они создали европейскую философию, основу европейской философии. Они создали основы европейского театра, которые сейчас и продолжают. Я бы сказала, что, может быть, философия и театр имеют гораздо большее значение для Греции, нежели искусство, а мы просто больше воспринимаем Грецию через искусство. Но, на самом деле, более глубокое основание есть и в драматургии, и в философии, которая является основой сознания, и, вообще, основой европейской философии. Можно, я задам вам один вопрос? Была ли когда-нибудь Греция государством?

голоса из зала про Александра Македонского.

Волкова: Значит так. Никогда. Потому что он пришел для того, чтобы, создав государство, разрушить Грецию. Это был самый гениальный грек, который ее разрушил. Это было самое великое политическое имя Греции, но Александр оказался ее разрушителем. На нем Греция закончилась и начался эллинизм. А эллинизм – это уже другое. Значит, Греция государством не была. Не была, правда? Из чего она состояла? Что она представляла собой? Если она не была единым политическим государством, то кем она являлась?

голоса из зала.

Волкова: Конечно, правильно, разными полисами, в разных провинциях. Там Пелопоннес, здесь Фессалия. Но самое интересное в том, что эти провинции территориально были не очень-то связаны между собой, потому что существует малоазийская Греция – это там, где сейчас находится Турция. Существует Агтика, Пелопоннес, Лакония. Вот существует полуостров, который мы называем Грецией. И существует Балканская Греция. В виде подковы. И единственная общая территория – Эгейская лужа. Это не Средиземное море, как у римлян, а это маленький Эгейский бассейн. И что они делают в этом бассейне? Они непрерывно воюют. Ни покоя, ни мира, ни на один день. Почитайте античную историю, хотя бы для 5 класса, и вы будете с ума сходить, потому что запомнить все это невозможно. Они живут, как в общежитии – у них все время какие-то огромные коммунальные квартиры. Постоянно, кто-то, с кем-то объединялся. Шушукались. Эти с этими, те с другими. И так до бесконечности. У них было две очень большие войны, между которыми заключена и хронология – то, что мы называем Древней Грецией. Это и Греко-персидская война, и Пелопоннеская. Между ними всё это и располагается. Это общее, так сказать, межполисное пространство. Они создавали между собой союзы: Пелопоннесский, Лаконский, Спартанский. Глядишь, а они все объединились в союз против персов. Так ответьте мне, пожалуйста, только внимательно: каким образом Греция, не имеющая единого земельного пространства, а мы с вами только что установили, что у них была лишь общая акватория, создали культуру, которая до сих пор обслуживает весь мир? Ни границ, ни единой политической системы, постоянно воюют друг с другом. Так как же они ее создали? Единую. Вам никогда не приходил в голову такой странный парадокс?

голоса из зала: Наличие общего языка.

Волкова: Ой, кто вам это сказал? Что такое вы говорите? Чтобы я такого ответа никогда больше не слышала! Они говорили, как итальянцы – на диалектах! Всё! Наличие общего языка. Привет! У них был язык, но об этом потом. Так как они создали? Что у них было общее?

голоса из зала: Они торговали друг с другом.

Волкова: Они не только друг с другом торговали, они много торговали. Но наличие торговых связей не является основанием для абсолютной, феноменальной, поэтически-художественной гениальности, где вы не можете различить – какой полис, что делает. Я вам скажу по секрету одну очень серьезную вещь. Только вы мне не верьте – это как раз тот случай, когда

не бытие определяет сознание, а сознание определяет бытие. Подумайте над этим. Там была создана единая культура, которая до сих пор обслуживает весь мир. Античная идея имеет значение или нет для XX века? Да это какой-то просто ужас! Все помешаны на античности! Все художники. Все, все, все! Театральные художники, поэты. Это можно с ума сойти, что они делают. Экзистенциалисты переписывают античность. И Ануй, и Сартр. Что они делают-то!? А Камю? Они все переписывают античность. Я уж о Бродском не говорю – тот через каждые два слова что-нибудь античное, но ляпнет. Понимаете, какая интересная вещь? А сколько лет было этой античности? Всего-то? При отсутствии государства, границ, единого управления, что самое страшное. А культуру она создала. А сколько лет? Давайте посчитаем хронологию. Хотите?

Значит так. Поскольку у нас сейчас вступительное занятие, я специально не буду брать такой феномен, как крито-микенская культура. Если вы откроете книжку, то в содержании увидите главу про крито-микенскую культуру. Вы знаете об этом? Знаете или нет? Видели, когда-нибудь? Крито-микенская культура, которая считается предшественницей высокой греческой культуры. Это, как бы культура, связанная с эпохой Троянских войн. Правильно или неправильно говорю? Не знаем? Значит, верим мне! Крито-микенская культура: Крит – это одна культура, Микены – это другая культура. Просто их немножечко сводит хронология.

Я вам должна рассказать страшную тайну. Ужасную. То, что греки писали о Крите: Лабиринт, Минотавр, Тесей. Помните? То, что писал Мандельштам: «Греки сбондили Елену по волнам, ну а мне соленой пеной по губам». Помните, что они писали в мифе о Зевсе, который стал быком и увез Европу на Крит? И он с ней что-то там замечательное делал, от чего она родила непонятно кого. То ли кого-то хорошего, то ли плохого. Так говорили греки, но сами критяне про это ничего не знали. Ни-че-го. И когда вы начинаете приближенно рассматривать критскую культуру, то понимаете, что в ней и в помине нет: ни Елены, ни Зевса, ни Тесея, ни Ариадны. Это все античная мифология. Так вот, это и есть период крито-микенской культуры. Но считать ее прямой предшественницей совсем античной культуры, очень сложно.

Однажды, когда я путешествовала по Греции, то заехала в одно место. Оно называется Тиринф. Кто-нибудь из вас был в Греции? Нет? Если будете, то, пожалуйста, поезжайте в этот Тиринф. Это в 15—18 километрах от Микен. Едете, въезжаете в Тиринф и видите кучу камней. Подходите ближе и начинаете понимать, что это и не камни вовсе, а фантастическое сооружение, сложенное невероятным образом. Как-будто из скал выломали куски. Случайно. Подошли, отколупали и положили нешлифованными друг на друга. Где-то края острые. Невозможно вообразить, где между ними цементирующий материал. И вы начинаете понимать, что перед вами огромное городище. И оно стоит. И ничего ему не сделалось. Ни война, ни бомбежка. Вы начинаете идти по эспланаде по этим самым переходам. Кто это строил? Они говорят: «Как, кто строил? Циклопы строили». И нечего улыбаться, потому что это, действительно, строили циклопы. Так и называется: циклопическая кладка. Но это к античности отношения не имеет. Античность на этом месте. А вот потом, когда встает вопрос: «А к какому периоду это относится?», мы отвечаем – примерно XV—XII век до новой эры, потому что это считается век Троянской войны. XII век – расцвет крито-микенской культуры. Они все время воюют: одни с другими, через море-океан. То есть микенские греки. Пелопоннесские воюют с малоазийскими, с Троей и шастают туда-сюда со своими героями. Это XII век. Гомер жил в IX веке. Это надо знать. Между событиями Троянской войны и Гомером рубеж IX и VIII века. И Гомеру 300 лет. Что у нас было 300 лет тому назад? У нас. Кто у нас был 300 лет тому назад?

голоса из зала: Крепостничество.

Волкова: Крепостничество у нас и сейчас. Ну, отсчитаем. Что было 300 лет назад? От XX века отсчитайте 300 лет. Получается XVII век. Как бы Алексей Михайлович до Петра. Между IX и XII веками 300 лет. Знаете, пойдем просто на уступки и скажем: 250. Сблизим. А это уже и есть та культура, которую мы можем считать основой европейской цивилизации.

Основой. Потому что, конечно, Гомер не только описал исторические события, но, будучи аэдом, оформил античную мифологию.

Я видела, как изображали аэдов того периода. Я, даже, в книге «Мост через бездну» привожу картинку этакого аэда с арфой. Знаете, кто такие аэды? Это странствующие певцы. Барды. Гомер положил основу бардовой традиции – всей мировой бардовой традиции. Он же ничего не писал – он рассказывал. Он был сказителем, трубадуром, как Высоцкий с гитарой. И говорил. Везде ездил.

Аэдов было много. Эта культура подразумевала аэдов, таких вот певцов с маленькими арфами – так они их изображали. Но, конечно, Гомер был фигурой столь неординарной, что само время называет его имя. Само время его выделяет. Я сейчас не буду останавливаться на этом. Выйдет моя книжка, там более подробно обо всем рассказано. Я даже описываю его поэтические диалоги с другими поэтами. И он сделал одну, очень важную вещь для нас с вами. Он первый, кто оформил – практически оформил античную мифологию, как систему, как космос. Если ранее она существовала, как-то разлито, то он первый, кто создал и назвал ее. Описал античную философию. А когда это всё было записано? Он же не записывал. Так кто-то же записывал? Значит, Троянские войны в XII веке, Гомер жил в IX, а записано в VI. Вы понимаете, как это по времени все растянуто? Это все формировалось постепенно.

А теперь, попробуйте спросить меня: Паола Дмитриевна, скажите, а что представлял собой мир Древней Греции в то время, когда жил Гомер? Что он собой представлял? И я скажу: не знаю! Не очень знаю. Почему? Архитектуру мы не знаем. Её не осталось. Нет архитектурного прецедента. Его очень мало. А вазопись – да! Это такие глиняные диплоиды, которые потом исчезли. Их датируют IX веком, иногда VIII. Их в музеях очень много. Но по одним только диплоидам нам трудно судить, о чем бы то ни было. И практическое отсутствие пластики. Она очень условна, скорее амулетна – такие маленькие амулетики, с очень условными изображениями. Между тем, троянская культура, то есть культура догреческая, представляет собой образцы невероятно высокоразвитой цивилизации. Так что Шлиман и другие археологи, такие как Эванс, предъявили миру в качестве образцов крито-микенской культуры вещи, вызвавшие потрясение. Так же, как Египет, с чисто технической точки зрения. Они там, знаете, как под лупой работали.

И если говорить о том, что такое наш источник – европейский, в полном смысле этого слова (абсолютно, как мир, как культура, как идеология, единая идеология), то можно сказать – этот мир был разный: политизированный, говорил на разных диалектах, воевал. Но они имели единую духовную идеологию. Ею, конечно, была мифология. Но и она далеко не всё. Я вам могу сказать одно – хотя, конечно, неправильно то, что я сейчас делаю – но именно в этом месте, где существуют Эгейские бассейны (государства малоазийские, балканские, где Македония, Фессалия, Пелопоннес, Аттика, Лакония), сложилась (употреблю такое слово) «некая феноменальность», которая больше никогда не повторялась и повториться не может. Это невозможно. И, как она сложилась, мы точно сказать не можем. Мы можем описывать целый ряд феноменальных вещей: приход дорийцев с Балканского полуострова, вливание дорийского начала и дорийского алфавита на аттическую культуру – такой совершенно новый коктейль. Но я не буду об этом говорить. Я хочу сказать, что в этом месте создались условия, которых больше никогда не было в мире, и они никогда не повторяются. Это культура, которая была единой и создались условия для создания культуры. И этими условиями являются единые территории, как это было в Риме. Государство. Политика определенная, как в Риме – она же уже была, когда там ставили Императоров, еще что-то. А тут – ничего. И все-таки получилось нечто, что до сих пор обслуживает весь мир. Весь мир!

А существовало это «нечто» с очень большой натяжкой целых 600 лет. И начало складываться то, что мы сейчас называем античностью. И все учебники начинаются с этого. Там архаический период, потом еще какой-то и еще какой-то. Вот, где-то рубеж VII – VI веков.

Ну, я такая щедрая, что говорю: пусть будет VII век! VII, VI, V, IV, III, – всё! Всего 500 лет отсутствия государства, территории, непрерывных войн, черт знает что, и создана единая культура, которая на сегодняшний день обслуживает весь мир. Вот это и есть феноменальность. Как это могло получиться? Самое страшное, что я вам хочу сказать: я не знаю, как в ваших профессиях – я не берусь судить, потому что ничего в них не понимаю. Вот я сяду, а вы встанете передо мною, мне все расскажите, и я с удовольствием буду слушать. Но в той области, в которой работаю я – я все больше и больше, прихожу к такому выводу, что самое страшное ответить на вопрос: «Как это началось и как закончилось». Понимаете? Это тайна!

голос из зала: Вы говорите, что за эти 500 лет войн и т. д. сложилась культура. А можно сказать, что в эти 500 лет была попытка найти какую-то другую форму жизни человека, кроме как в государстве? Потому что мы привыкли к тому, что государство есть.

Волкова: Я сейчас хочу ответить на этот ваш вопрос. Я уже подползаю к этому ответу. Существуют простые вещи. Все знают, как рождаются дети. Правда? Восемь, одиннадцать лет в подворотне – и он уже все знает. Мы с вами знаем не больше. Биологи тоже больше не знают, потому что, на самом деле, как получается никто не знает. Хоть разложи все это на нанозементы. Есть какой-то момент, который все равно остается тайной. Тайной бытия. Это я пример такой, конечно, вульгарный привожу. Но там случилось именно так... Что самое главное? Это хронология. На самом деле мир регулируется летоисчислением. Такой-то царь, в такой-то год, вручил России свой народ. Хронология.

Хронология – это вещь очень интересная. Мы живем по юлианскому календарю или григорианскому. Весь мир, как говорил Петр, празднует Новый год. Новая хронология! А самые интересные люди, самые гениальные люди – это те, которые переставляют стрелки часов. Вот Цезарь взял и переставил стрелки часов. Юлианский календарь. Ну, Наполеон – так тот просто устроил нам, так называемую, новую историю. Он перевел стрелки часов. Пришло новое историческое время, которое мы называем Новейшая история. Всё! Какой бы он не был: плохой – хороший, глупый – умный, гениальный – нет, а стрелки часов перевел. Македонский стрелки часов перевел. Это очень серьезная вещь.

И в Греции была особая хронология. У них возникла и была создана совершенно особая хронология, которой больше нигде не было. Раз в четыре года у них проводилось празднование. И это называется: Олимпийская хронология. На самом деле, единство Греции – в Олимпийских играх, в Олимпиадах. Время, когда она – Греция была едина – это Олимпиада. Вот через Олимпиады и была создана единая культура. Олимпиада раз в четыре года. И такое место есть специальное – Олимпия, где проводились Олимпиады, там люди и не жили. Там стоял такой алтарь с сухими всякими штучками: вереском, хворостом, и Феб своим лучом, в определенное время (а там за этим надзирали – обслуживание было очень серьезное), начинал зажигать огонь. Огонь нерукотворный. Спичками, огнивом или зажигалкой его никто не зажигал! У них там была какая-то механика, стояли какие-то линзы или что-то вроде этого. И начинал этот вереск тлеть, а они факелы туда совали и посылали гонцов с этими факелами. Так вот, те, кто принимал участие в Олимпийских играх, это и есть Древняя Греция, а остальные – варвары. Те, кто был вхож в Олимпийский круг, кто принимал участие в Олимпиадах, называли себя эллины. Они себя греками не называли. Нет. У них для себя было одно название: я – фессалиец. А было и другое название для тех, кто принимал участие в Олимпиадах. Это и есть самое главное. Об этом и стоит говорить. Они называли себя ЭЛЛИНЫ.

Поэтому, когда мы говорим Древняя Греция, мы имеем ввиду эллинскую культуру. Это культура, созданная вот таким искусственным путем – путем искусственного регулятора. И что интересно. На время Олимпийских игр заключалось священное перемирие: всё, ребята, мы больше не воюем, мы соревнуемся. Значит, для них Олимпиада была важнее войны. Это был Олимпийский мир.

Вы знаете, очень часто говорят о греческой демократии. И когда спрашиваешь: что такое греческая демократия? Где вы ее видели? Ответ: Афины! Нет, позвольте, Афины – это Афины, а остальные-то что? Лакония – это, вообще, совершенно аристократическое место. Македония – патриархальна. Так у них еще и разные свои уклады. Нет! Греческая демократия – это Олимпиады. Олимпийская демократия и есть демократия. Все имели равные права, одинаковые. И так далее, и так далее, и так далее. Олимпийский устав. Это, конечно, невероятно просто, потому что Олимпиада нужна была всем. Просто про одну только Олимпиаду я могу читать десять часов, совершенно не закрывая рта. Но у нас нет на это и часа. Поэтому, я вам могу сказать, что Олимпийские игры развивались постепенно. А кто был основателем Олимпийских игр и когда они были основаны? Ну, ходят там всякие разные сплетни, что об Олимпиадах между собой договорились два правителя больших полисов – Полидевк и Солон. Но мы этим сказкам не верим. Я верю грекам. А греки говорят так: основателем Олимпийских игр был Геракл. Я свято в это верю. И основал он их, где-то в 789 году. Все-таки в VIII веке до новой эры. А когда бы Македонский все это сделал? Какие Олимпийские игры, если, извините, они все были в походах? И как только начались игры – началась Древняя Греция. А как только они закончились – так закончилась и она. И вот этот самый период – между началом и концом Олимпиады – это и есть Олимпийская хронология. Те, кто жил по ней – эллин, а кто жил не по ней – варвар. А почему он варвар? Потому что Олимпиады – это форма. Главное – это форма. Главное, что создала древнегреческая культура или эллинская культура – она создала форму. Она создала идею. А варвар – это человек, не имеющий языка и форму. Не потому, что он глупый или какой-то другой, а просто он не эллин и к Олимпиадам отношение не имеет. А что делали на Олимпиадах все эти: бегуны, прыгуны, метатели диска, метатели копья? А какой самый главный вид спорта? Это квадрига. Соревнование на квадригах. Человек стоит на площадочке, тут еще такая приступочка. На ней, как в гоночной машине сидит второй человек для баланса. Спорт смертников! А где важнее победить? В какой-то там третьей-степенной войне или на Олимпиаде? Как вы считаете? Ну, конечно, на Олимпиаде. На войне что: сегодня ты победил, завтра проиграл, потом опять победил, потом снова проиграл. А тут, на Олимпиаде, куда ты идешь? Ты идешь в бессмертие! Ты с Олимпиады шагаешь прямо в бессмертие! И они очень заботились о том, чтобы это движение от Олимпиады в бессмертие, было идеально соблюдено. Там целый ритуал.

Но Олимпиада, это не только соревнование, это еще и театр, это еще и соревнование аэдов – мальчиков, играющих на арфе. А вы знаете, что были женские Олимпиады? Вообще не понятно, как они там жили: раз в четыре года Олимпийское перемирие, а раз в три года Пифийское. Пифийские игры равны Олимпиадам и называются Дельфийские игры, потому что проходят в городе Дельфы. И это большая разница. Олимпийским играм покровительствует Зевс, а Пифийским – Аполлон. Значит, Аполлон ведает одним, а Зевс ведает другим. А теперь вы задайте мне вопрос: Паола Дмитриевна, а кто принимал участие в Олимпийских играх? Почему вам в голову не приходит такая мысль? Поднять руку и сказать: Паола Дмитриевна, а кто принимал участие в Олимпийских играх? Прямо таки все эллины?

голоса из зала: Во-первых, только совершеннолетние мужчины. Мужчины, достойные среди своих.

Волкова: А как выбирали достойных, если у них полная Олимпийская демократия? Ничего вы и не знаете. В играх принимали участие эфебы четвертой ступени, а в Пифийских – эфебы третьей. А еще те, кто стал победителем предыдущих Олимпиад. А совершеннолетие наступает в 21 год и ты уже можешь носить бороду, иметь семью. А если у тебя бороды нет, то и ничего другого нет. Ты еще пока готовишься. Так вот, во-первых, Олимпиады – это вещь не социальная, потому что принимают участие абсолютно все слои общества. В том числе и эфебы. И если вы у меня спросите: Паола Дмитриевна, а кто такие эфебы? – я вам отвечу. Греческую скульптуру видели, когда-нибудь? Хоть в слепках? Если увидите в подлиннике,

вы просто сознание потеряете, потому что между картинкой, которую я вам покажу, слепком и подлинником, нет ничего общего. То, что они делали с камнем – это делали только они одни! И больше никто и никогда. Никакие Родены, никакие Майоли. Никто. Они даже понятие про это не имеют. Это было абсолютно гениально. Именно в это умение ушла вся гениальность нации.

Так вот, эфебы. Сейчас я вам открою великую тайну. Во всех этих самых разных городах-государствах, самых-самых разных, была одинаковая, идентичная система образования. Это были гимназии, которые входили в Олимпийский совет. А если у тебя в твоём полисе нет гимназии, ты никогда не выйдешь на Олимпиаду. А чего тебе там делать-то? Ты не можешь участвовать. А в Олимпиаде принимает участие кто? Эфебы или победители прошлых игр. А кто такие эфебы? Гимназисты! Почему эфебы? А это совсем замечательно. Потому что все юноши, учившиеся в гимназиях, находились под покровительством и патронатом Аполлона. Аполлон имел много всяких министерств – у каждого античного мифологического бога было много министерств, и под его рукой было. В частности такое министерство среднего школьного образования. Он заведовал воспитанием юношей. А еще он был Феб, то есть – Свет! А Эфеб – это «наши мальчики», «наш свет» – цвет общества. А цвет общества – это наше будущее. И во всех городах, которые входили в Олимпийский союз, самым главным было идентифицированное образование. В Москве у нас образование одно, а в Липецке другое. Все никуда не годятся. Образование для всех должно быть на одном уровне, иначе никакой эфеб международного класса из тебя не получится.

голос и зала: Почему мы говорим, что объединяющим фактором в Греции и в других соседних государствах были, именно, Олимпийские игры, если сейчас выясняется, что там была единая система образования? Вроде, это более важно?

Волкова: Сейчас, подождите, я еще не все сказала. Потому что главное – это Олимпийские игры. Олимпийские игры – это объединяющая система. Просто она все цементирует. Понимаете? Это хронология. Это священное перемирие. Раз в четыре года. Другое дело, это кто являлся участником игр. Так вот, там внутри было четыре регулятора. При всей этой сумятице, которая там происходила: войны, торговля, о которой вы говорите, чего-то там еще, было четыре искусственных регулятора, которые они создали быстро и за очень короткое время, закрепив эту идею. Вообще, греки были создателями идей. Они, как чеширский кот. Вы знаете, что такое чеширский кот? Да? Это, когда улыбка есть, а кота нет. Они улыбку создали. Подлинной скульптуры очень мало, архитектуры подлинной очень мало, рукописи подлинной очень мало, а в Греции есть. Всех обслуживают. Они – чеширский кот. Они идеи создали. Они создали улыбку мира. В каждом полисе. А что может называться полисом? Вот я говорю: я – деревня, а ты, кто? Почему ты называешь себя полис? Какое ты имеешь право называться полисом, то есть центральным городом, таким маленьким государством? А у меня есть школа эфебов и агора! Ах, раз у тебя есть школа эфебов и агора, тогда ты – полис. То есть, система управления. Ну, скажем, народное собрание и правитель, архистратиг и, главное, гимназия. Сейчас я не буду вам рассказывать. В следующий раз я вам покажу картинку про эфебов, ладно? Эфебы – это что-то гениальное. Там было четыре ступени обучения. Первая, вторая, третья, четвертая. Они обучались, внимание: грамматике, арифметике, истории и музыке. Каждый мужчина обязан был быть грамотным, уметь считать, играть на музыкальном инструменте – назовем это гитарой, кифарой, дудкой, и знать мифологию. Это было поголовно грамотное население и поэтому, когда они выходили на четвертую ступень (заканчивали гимназию), то тогда они демонстрировали все свои способности. Свою способность быть воином. Свою способность быть гражданином. Свою способность быть образованным человеком. Свою способность играть на музыкальном инструменте. То есть, они демонстрировали, что являются готовыми гражданами своего полиса. А уж если я – победитель, то это уже всё! И что получается? А то, что к следующей Олимпиаде мне ставят памятник или скульптуру. Значит, вся античная

скульптура, которая до нас дошла – абсолютно вся, отвечаю вам стопроцентно, делится на две категории: это статуи победителям на Олимпиадах – Пифийским или Олимпийским, и изображения богов. Вы меня поняли? Через скульптуру я вхожу в бессмертие.

А еще вы не знаете о таких двух регуляторах, от которых можно с ума сойти. Если вы окончили третий класс, то вы проходите через Пифийские игры, а если четвертый класс, то через Олимпийские. И это все одновременно, все вместе связано: школа эфэбов и Олимпиада. Потому что Олимпиада – это не спорт. Это смотр сил, понимаете? Мы просматриваем, кто мы по отношению ко всем остальным. Это та же война, только гораздо более жестокая, потому что на той войне ты убит – не убит. Ты победитель – не победитель. Сегодня так, завтра этак. А здесь ты – все! Вот какой у нас полис! Вот какие у нас мальчишки! Вот какое у нас будущее! Вы понимаете это или нет, скажите?

Например, есть еще один очень интересный момент: кто все это строил и делал? Скульптуру, архитектуру, вазы? Кто это все строил и делал? Один полис может себе позволить что-то делать? Вот вы можете себе представить Петербург? Его строили сразу. Помните? Пётр взял Леблон и сразу поставил. И к моменту его смерти, в 1725 году, Петербург уже стоял в основных чертах, как сейчас. Почему? Он был поставлен сразу. А Москва строилась постепенно. Все, знаете, мотается, мотается. Нынешняя Москва есть, а той уже нет. Той – другой уже не будет, потому что она, как тесто из квашни выливается, выливается. А Петербург, как его поставили – так он и стоит! Извольте!

Я сейчас, по печальному случаю, была в Венеции, и опять подумала, правда, не в первый раз: Боже мой, ну как же они это все сделали? Закончили все строительство к XVIII веку. И этот город остался. Когда Геракл учредил Олимпийские игры, то, все, как-то сразу стало «сразу». Там практически не было этого постепенного развития. Вот сейчас мы сделаем это... Были уточнения. Александр Филиппович Македонский, извините за фамильярность, самый гениальный грек, поломал все. Неважно. Греки все равно остались самые образованные – с театральной культурой, которых приглашали во всем мире быть педагогами и актерами. Все актеры: и в Риме, и повсюду – были греками. Это совершенно отдельная тема. Но мы с вами говорим именно о том, что называется классическая Греция. Как она создавалась? Что вы видите? Что есть предмет изображения? В основном изображения мужских тел, мальчиков и молодых людей. А почему? Кто они такие? А я объясняю вам – это эфэбы. Еще есть изображения богов. В следующий раз я покажу вам шествие эфэбов с Афинского диплоида, которое англичане увезли к себе в Британский музей. Это, конечно, умопомрачительное зрелище – изображение богов, изображение героев. Но их мало! Победителей!

На чем мы остановимся? Только на картинках. У нас на всю Грецию будет только одно занятие и одно занятие на Рим. Потому что остальное время должно быть отдано другому.

Третий вопрос – это вопрос о том, кто строил, кто ваял скульптуру? Очень интересный вопрос. Чего не выкопаешь – все гениально. Чего не скажешь о Риме или о других местах. И не потому, что время, а потому что все выкопанное является настоящей античностью. А ты только рот открываешь. До сих пор.

Куда стоит поехать? Назвать одно-два места... Вы знаете, на античном Акрополе, то есть Афинском, есть очень маленький музей. Это музей «Афинского Акрополя». Недавно там закончилась реконструкция. И как всякая реконструкция, она имеет свои и положительные, и отрицательные качества. Если будете, то обязательно сходите туда. Там есть подлинные скульптуры эфэбов, которые сидят на лошадях. Юноши. Сразу видно чувство формы. А какая греческая скульптура в музеях Рима! Гениальная! Они были гениями формы. Они так чувствовали камень, что им был присущ этот гений ваяния, как больше никому и никогда. Это повторить невозможно, как нельзя повторить ту странную, практически метафизическую, не очень ясную для нас систему, которая все для нас создала. Они, как будто бы, из какого-то полудрагоценного камня. Такие золотистые, прозрачные.

А как они любили тело человека! Это был главный предмет изображения. Не портрет, не голова, а тело человека. Они любили его выразительность, его пластичность, его силу. Я вам сейчас не буду рассказывать кое-что, чтобы просто потом все это показать. Это будет интереснее. Да кто же это делал-то все? Откуда они брали этих гениев?

голос из зала: Из мастерских.

Волкова: А мастерские, где? А как они выявляли гениев-то? Значит, рассказываю, чтобы вы себя не мучили. Это была особая идея – наблюдать за способностями мальчиков, когда появилась потребность в увековечении этого мира. Вы понимаете, они жили на двух уровнях, на двух слоях. На одном уровне – война, мордобой, недород, перерод, торговля, любовь, страсть, разводы. Что хочешь. А еще они жили на другом уровне – на уровне вот этого самого духовного единства. Повторяю, этого больше не случилось никогда. Так вот, когда они создали единый Олимпийский мир, куда попадали только те, кто соответствовал нужным требованиям, следом был создан Художественный союз. Этот Художественный союз был интерполисный, космополисный и помещался сначала в городе Милете. Туда попадали только особо одаренные к строительству и пластике люди. Особо одаренные. Их обучали и смотрели, могут ли они быть достойны художественной профессии или нет. Я вам потом покажу особенности милетской школы. А потом этот Милетский союз переехал в Афины на Пелопоннес и тут же их стиль и тип работы очень изменился. Я вас научу, за какое-то время, отличать работы милетского направления от аттического для того, чтобы вы, когда сами будете смотреть, знали, чем они отличаются друг от друга. Разница стилистическая, а по сути все одно и то же – обнаженные молодые люди.

Но там, в Пифийских играх принимали участие еще и девушки. Раз в три года. Девушки были особые, отдельные. Они были предусмотрены государством. Это были, так называемые, школы гетер. Но об этом, если вы будете себя очень хорошо вести, я вам расскажу. Они были замечательные девушки. Это были такие политические и художественные клубы. И если гимназии были в каждом полисе, то школ гетер было всего три, четыре или пять. Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.